

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 1 (88), 2015

УДК 811.161.1'23'373.23:811.161.3'23'373.23:811.111'23'373.23

Этноязыковая специфика эмоционально-оценочных единиц русских, белорусских и американских ассоциативных полей «человек»

Н.Л. ЖЕЛЕЗОВСКАЯ

Исследуется степень представленности и особенности выражения оценки в ассоциативно-вербальной сети индивида как представителя этноязыковой среды. Материалом исследования послужили ассоциативные поля, обозначающие человека, в русском, белорусском и американском ассоциативных словарях. Разработана методика выявления эмоционально-оценочных реакций и их классификация. Приведены особенности содержательного и количественного наполнения выделенных групп, обусловленные факторами этнической и языковой принадлежности информантов.

Ключевые слова: ассоциативные поля, эмоционально-оценочные реакции, общие и частные оценки, синкретизм, позитивные и негативные оценки.

The verbal-ethnic peculiarities of reactions with emotional assessment to stimuli, denoting person from Russian, Belarusian and American associative dictionaries are studied. Their qualitative and quantitative analyses from the perspective of linguistic and ethnic effects are analyzed. The classification of general and detailed assessments and the criteria of defining them are developed.

Keywords: associative fields, general and detailed assessments, syncretism, positive and negative assessments.

В данном исследовании мы придерживаемся интегрального подхода к значению слова, сторонники которого (А.И. Смирницкий, В.М. Богуславский, Д.П. Горский, А.А. Леонтьев, Г.В. Колшанский, Б.А. Серебrenников, А.А. Залевская, Л.С. Выготский, А.Р. Лурия, И.А. Стернин и др.) предлагают рассматривать образы, эмоции и оценки, которые ассоциируются в сознании индивида с той или иной лексемой, как «недифференциальные компоненты» семантической структуры данного слова. Эти составляющие «являются вполне реальными для языкового сознания носителей языка элементами языковой компетенции, часто актуализуются в речи, ложатся в основу семантического варьирования слова, в значительной степени обуславливают сочетаемость и семантические связи слова» [1, с. 14]. В нашем понимании язык не только отражает особенности реальной действительности, присущей конкретному этносу (территориальные, общественно-политические, исторические, культурные), но и содержит информацию о специфике видения мира, эмоционально-оценочной сферы, психического склада говорящих на нем людей.

Под эмоционально-оценочным компонентом значения слова понимается оценка какого-либо объекта и связанные с этой оценкой чувства субъекта, закрепленные в семантике данного языка в виде денотативного или коннотативного компонента лексического значения слова или имплицитивно закрепленные в значении слова через ассоциативные связи с другими словами. Те или иные эмоционально-оценочные «ореолы», которые в языке существуют только потенциально в ассоциативно-вербальной сети представителя определенной этноязыковой среды, актуализируются в ассоциативных реакциях. Анализируя частотные реакции, представленные в ассоциативных словарях различных языков, можно проследить реализацию всех актуальных (в том числе оценочных) значений данного слова-стимула для представителей определенной этноязыковой среды.

На базе русского [2], белорусского [3] и американского [4] ассоциативных словарей (АС), составленных в конце 20 века, был проведен сравнительный анализ этноязыковой специфики эмоционально-оценочных единиц ассоциативных полей «человек», а именно, ассоциативных реакций на стимулы *человек* (*чалавек, man*), *дитя* (*дзіцяня, baby*), *ребенок* (*дзіця, child*), *мальчик* (*хлопец, boy*), *девочка* (*дзяўчына, girl*) *мужчина* (*мужчына, man*), *женщина* (*кабета, woman*). Основной методикой, использованной в работе, был семантико-когнитивный анализ ассоциативных пар «стимул-реакция» на предмет потенциальной оценочности и знака оценки с привлечением количественных характеристик ассоциативных

полей. Для выявления и регистрации ассоциативных связей оценочного характера методом сплошной выборки были проанализированы все, реакции (R) на данные слова-стимулы в количестве 15650 R (2872 в русском, 6171 в белорусском и 6607 в американском AC) за исключением одиночных R, так как они отражают лишь индивидуальный опыт респондентов, а не свойственный представителям конкретного социума.

В спорных случаях наличия в рамках отдельного бинума оценочного значения у слова-реакции мы обращались к ассоциативному полю данного слова. По высокой частоте эмоционально-оценочных реакций (>25 %), мы делали вывод в пользу оценочности изначальной реакции, вызвавшей сомнения. Путем подсчета процентного преобладания позитивных или негативных реакций от оценочных решалась при необходимости и проблема определения знака оценки – положительного или отрицательного.

Так, чтобы определить является ли реакция *старый* на стимул *мужчина* эмоционально-оценочной, мы обратились к ассоциативному полю на стимул *старый*. Из 845 неединичных ассоциаций обнаруживаем 248 явно оценочных R (29.3 %). Реакции с неявной оценкой, например *дом*, не учитываем. Далее подсчитываем соотношение положительных и отрицательных реакций, анализируя каждый бинум. Поскольку оценочные реакции на слово *старый* составляют более 25 %, причем около 62 % из них – отрицательные, реакции *старый* на стимул *мужчина* присваивается отрицательный оценочный компонент значения.

Старый → *пень* 22, *дряхлый* 21, *хрыч* 16, *дуб* 15, *дурак* 14, *козел* 12, *осел* 12, *хрен* 11, *черт* 6, *башмак* 4, *больной* 4, *болван* 2, *враг* 2, *двор* 2, *изношенный* 2, *импотент* 2, *плохо* 2, *потрепанный* 2, *немогущий* 2 («–» 153 – количество отрицательных оценочных реакций).

Старый → *друг* 72, *мудрый* 10, *добрый* 4, *товарищ* 4, *знакомый* 3, *друг лучше новых двух* 2 («+» 95 – количество положительных оценочных реакций).

Выяснилось, что даже аксиологически нейтральные слова-стимулы, обозначающие человека, получают оценку в реакциях с различным семантическим значением. От всех проанализированных реакций нейтральные составляют лишь 43.7 % (6846 R). К таковым относятся: антонимы (*мужчина* → *женщина*), нейтральные синонимы (*дзяўчына* → *жанчына*), гиперонимы (*дзіця* → *істота*), национальность, место жительства (*дзяўчына* → *беларуска*, *гарадская*), повторы (*чалавек* → *чалавек*), имена собственные не из прецедентных текстов (*хлопец* → *Іван*; *girl* → *Joan, Mary*), указание на пол (*boy* → *male*), нейтральные действия (*чалавек* → *ідзе*), местоимения (*girl* → *she*).

Эмоционально-оценочные реакции составляют 56.3 % (8804 R). Выяснилось, что оценка является одной из ведущих стратегий ассоциативного реагирования. Перевес в пользу эмоционально-оценочных реакций также свидетельствует о значимости «человека» в рамках антропоцентричной картины мира представителей всех трех этносов. Самыми актуальными оказались *ребенок* (1797 R) и (1490 R). Этот перечень завершают *мужчина* (1045 R), *женщина* (1013 R) и *мальчик* (1000 R). В целом «человек» оценивается положительно (7742 «+» оценок (87.9 %) vs. 1062 «–» оценок (12.1 %)). По количеству «+» оценок по суммарным данным всех трех словарей лидируют *ребенок*, *девочка*, *дитя*, а *мужчина*, *мальчик*, *женщина* замыкают данный список. По количеству «–» оценок *дитя*, *женщина* и *человек* превосходят остальные. Наименьшее количество их мы наблюдаем у *девочки* и *мальчика*, которые, судя по процентному соотношению «+» и «–» оценок, вызывают самые не противоречивые оценки («–» оценки составляют 3–4 %), в отличие от *дитя* и *женщины* (20–22 %).

По реакциям на данные стимулы были выделены следующие этноязыковые отличия ассоциативных полей. Русские и белорусы в отличие от американцев больше склонны к эмоционально-оценочному суждению судя по отношению оценочных и нейтральных реакций в ассоциативных словарях соответственно (78.3 % vs. 21.7 %, 72.8 % vs. 27.2 %, 31.2 % vs. 68.8 %). 87 % оценочных реакций и в русском и в белорусском словарях – положительные, а в американском – 91 %. Это может свидетельствовать о более критичном отношении русских и белорусов как к человеку, так и к жизни вообще.

По количеству оценочных реакций у белорусов и американцев преобладает *ребенок*, а у русских – *человек*, в то время как *девочка* и *ребенок* у последних занимают второе место, хотя *чалавек* у белорусов тоже очень часто оценивается. А вот *дзіцяня* и *кабета* у белорусов

оцениваются реже остальных. У русских на последнем месте – *женщина* и *мужчина*, а у американцев – *boy* и *man*. Диаметральными противоположными по наибольшему количеству «+» оценок vs. наибольшему количеству «–» оценок оказались *девочка* vs. *человек* у русских, *дзяўчына* vs. *кабета* у белорусов, *baby* vs. *child* у американцев. Наиболее vs. наименее противоречивые оценки по знаку получили *человек* vs. *девочка* у русских, *кабета* vs. *дзяўчына* у белорусов, *baby/child* и *woman* у американцев. Отметим, что в американском словаре негативные оценки на стимулы *girl*, *man* вовсе не зарегистрированы.

Представляют интерес как реакции с общеоценочным значением (*хороший/плохой* и т. п.), так и частнооценочным, когда «аксиологический маркер прочно срастается с обозначениями многих частных свойств объекта» [5, с. 73] (*юный, глупый, любимый*, и пр.).

Общеоценочные реакции были классифицированы следующим образом:

1) Выражающие аксиологический итог **реакции-предикаты хороший/плохой и их синонимы** с разными стилистическими и экспрессивными оттенками (*женщина* → *хорошая, прекрасная*; *woman* → *nice*; *кабета* → *добрая, дрянная*; *человек* → *удуоны, выдачны* и т. п.).

2) **Синонимы слов-стимулов** с эмоциональной и стилистической маркированностью, которая может быть выражена аффиксально (*хлопец* → *хлопчик*; *дзіця* → *немаўлятка*), и на которую в словаре указывают пометы *уменьш. ласк., груб., vulgar* и т. п. (*дзіця* → *малыш, малютка*; *child* → *tot* ‘малыш’, *brat* ‘выродок’; *кабета, дзяўчына* → *чувіха*). Здесь и **реакции-образные сравнения**, в которых выделить одно конкретное свойство-сходство со стимулом не возможно, но наличие в которых оценочного отношения несомненно (*кабета* → *кветка, сонца*; *человек* → *животное, машина, обезьяна*; *девочка* → *ромашка*). Согласимся с Е.Ю. Мягковой, что «через обобщённый образ, можно косвенно судить о характере эмоционального настроения, сопровождавшего восприятие стимула» [6, с. 114].

3) **Реакций с семантическим значением «свой/чужой»**: притяжательные местоимения *мой, не моё, наш, свой, твой* и т. п.; прилагательные *родное, знакомый, новый, чужой, со стороны*; личное местоимение *я*; реакции, обозначающие родственников, знакомых (*женщина* → *жена, мама, сестра*; *девочка* → *племянница, соседка, дочка*; *мужчина* → *бацька*; *дзіця* → *сын, брата*; *person* → *wife*; *child* → *niece* ‘племянница’).

Используя предложенный А.В. Клёновой «критерий неравномерности», было проведено исследование такого рода реакций в биноме со словом-стимулом на предмет потенциальной оценочности. Высокая частотность данных реакций во всех трех словарях свидетельствует об оценке обозначаемого словом-стимулом явления. «Количественные расхождения (неравномерность распределения реакций) указывают на то, что данные ассоциации являются лишь косвенным выражением оценки, которая по своей природе наиболее близка к прагматической» [7, с. 189–190]. Согласно И.Ю. Марковиной и Т.А. Васильченко, культурная константа «свой/чужой» является дифференцирующим и интегрирующим признаком этноса и несет выраженную аксеологическую нагрузку: «свое» – значит хорошее, правильное, естественное, необходимое, «чужое» – наоборот [8, с. 217].

4) **Цитатные слова-реакции**, которые в ходе употребления развили оценочные коннотации и для которых оценка вторична, производна от дескриптивного значения. Они представляют в биноме со словом-стимулом устойчивые выражения или отсылают к популярным в этноязыковой среде прецедентным текстам, названиям, фразам и т. п. Сюда относятся только те, в которых не возможно выделить одно ведущее свойство-сходство со стимулом (*чалавек* → *залаты, вялікага сэрца*; *дзіця* → *горкае*; *девочка* → *моя синеглазая* (песня Е. Белоусова), *на шаре* (советский фильм 1966 г. и картина П. Пикассо), *интердевочка* (экранизированная повесть В. Кунина); *человек* → *в футляре* (безвольный герой рассказа А.П. Чехова), *невидимка* (роман Г.Д. Уэллса), *звучит гордо* (выражение из пьесы М. Горького «На дне»), *whistle* (перифраза *wolf whistle* – звук одобрения от мужчины при виде привлекательной женщины), *dog* (*Dog Boy* – американский певец).

Форма объективации оценки в реакциях определяется не только идиостилем испытуемого, но и спецификой семантики исходной лексемы. Еще Дж. Миллер указывал, что в основе ассоциирования может лежать скрытое знание о совместной сочетаемости слов [9]. Слово-стимул вызывает в сознании слова, частотно управляемые им. Содержание подобных оценок

определяется «преломлённым в индивидуальном сознании коллективным опытом, овнешляемым в различных семиотических системах (в художественной культуре, мифологии, продукции СМИ и главным образом – в естественном языке) [10, с. 141]».

5) **Тематические реакции-образы**, которые возникают как тематически связанные со стимулом типичной ситуацией из повседневной жизни. Испытуемые описывают чувственные образы, чье содержание определяется, с одной стороны, спецификой представления как формы познания действительности и особенностью отражаемого в представлении предметного мира, с другой – индивидуальным опытом носителя языка и преломлённым в индивидуальном сознании коллективным опытом. Наличие эмоционально-оценочного содержания у подобных реакций не вызывает сомнения. Согласно Е.Ю. Мягковой, для носителя языка слово всегда связано с определенным конкретным опытом, структурируемым относительно его собственных органов чувств и ориентации в пространстве и времени. Оно вписывается в многообразные отношения, в которые вступает индивид [6, с. 152]. Ввиду отсутствия контекста, бывало трудно определить знак оценки, учитывая вероятность конкретных единиц опыта, стоящих за ассоциативными связями. В подобных случаях мы полагали, что чаще актуализируются типичные признаки предмета, объекта, явления в типичной для них ситуации, социуме и типичные чувства, связанные с социальными ценностями и стереотипами. На стимулы «человек» встекаются в основном тематические реакции с положительным эмоционально-оценочным ореолом (*дзіцяня* → *вочкі, малако, сям'я, маці, цацкі; дзяўчына* → *каса, бяроза, танцы; чалавек* *земля, жизнь, космос; girl* → *hair, date, bed, curls, dance, party; woman* → *hair, figure, dress*).

6) Нас интересуют не только ассоциации, ограниченные значением слова, но и **фонетические** (созвучные), связанные с его знаковой оболочкой. «Поиск слов в памяти ведется как по чисто формальным (звуковым и графическим), так и по грамматическим и семантическим признакам» [11, с. 159] (*дзіцяня* → *кацяня; мальчик* → *обуванчик*).

При выделении *частнооценочных* реакций, которые «дают оценку одному из аспектов объекта с определённой точки зрения» [5, с. 75], была разработана единая расширенная классификация, основанная на классификациях Н.Д. Арутюновой и Х. фон Вригта [12]. Такие реакции условно могут быть разделены на следующие группы:

1) **Сенсорно-вкусовые оценки** относятся к самому ощущению с позиции пассивного удовольствия для зрительного, тактильного, слухового, обонятельного восприятия, а также сексуального влечения (*дзіця* → *смак, галоднае; baby* → *cuddle* ‘объятия’, *rattle* ‘грохотать’; *дзяўчына* → *прывабная; кабета* → *прыемная; woman* → *sex* ‘секс, пол’ и др.). Сюда можно отнести метафорические ассоциации *горкае, sweet, soft, ціхая, дзябёлая, cold, светлая*, если рассматривать их в прямом значении с точки зрения их внутреннего образа. Однако с учётом значения устойчивых словосочетаний, которые они образуют вместе со словом-стимулом, *горкае дзіця* ‘неопытное’ возможно отнести и к утилитарным оценкам мастерства, *sweet child* ‘милый, любимый’ – к чувственным, *ціхая дзяўчына* ‘скромная, спокойная’, *светлая дзяўчына* ‘добрая, душевная’ – к этическим, *дзябёлая дзяўчына* ‘толстая’ – к техническим, *cold woman* ‘неласковая’ – к утилитарным оценкам. Когда переносное значение является зависимым от основного и чётко прослеживается мотивация метафорического переноса, реакции приписывались оценочная помета по прямому значению (*дзіця* → *горкае* ‘горемычное, слишком маленькое’, *child* → *sweet* ‘приятный, любимый, хорошенький’ – сенсорные оценки). Когда вызывает затруднение мотивация ментальных образов, служащих соединительным звеном между стимулом и реакцией, тогда реакции приписывались оценочная помета по переносному значению (*чалавек* → *пень, тупы* ‘глупый’ – психологическая оценка). *Крык, крыклівае*, мы отнесли к сенсорным, а *капрызнае, плаксівае* – к медицинским, *плакса, плача, плач, плакаць* *неспакойнае; ревет, смеется; crying, laugh* – к эмоциональным оценкам.

2) **Психологические оценки** подразделяются на:

а) **интеллектуальные оценки** (*чалавек* → *разумны, пень, тупы, творчы, веды, думка, цікавы; жєницина* → *обаятельная, мудрая, загадочная* и др.);

б) **эмоциональные оценки**. Здесь можно проследить связь оценочности не только с характеристиками объекта (например, *дзіцяня* → *вясёлае, ішчаслівае*), но и с индивидуальностью субъекта (*чалавек* → *прыемны, ураўнаважаны, любы*). Однако невозможно чётко установить эту границу, если реакции даны в форме существительных или на английском языке,

когда существительное и глагол или склонения глагола не различаются (*child* → *love, happy, fun*). Оценка *адзіны* является положительной эмоциональной, так как предполагает в данном контексте не столько ценность, уникальность (нормативная оценка), сколько трепетное отношение. Диспозитивные глаголы *люблю, не люблю, хочу* и т. п. – это психологические оценки, т. к. выражают отношение субъекта оценки, а не свойства объекта. Хотя по комплексности выраженных признаков и неспециализированности они близки к общеоценочным предикатам. В ряде случаев тип оценки зависел от стимула (*человек* → *живой* – эмоциональная оценка, а *ребенок* → *живой* – медицинская).

3) **Эстетические оценки** со значением красивый/некрасивый, вытекающие из синтеза сенсорно-вкусовых и психологических оценок (*woman* → *beauty, мужчына* → *прыгожы, сімпатычны*). Оценки *маладая, высокая, стройны* хотя в нашем обществе и считаются стандартом красоты, но должны быть отнесены к инструментальным.

4) **Этические оценки**, связанные с человеческой моралью (*child* → *innocence; хлопец* → *смелы, сціплы* ‘скромный’, *верны, ветлівы, чэсны*). *Сур’ёзны, адданы, грозны, грубы, rough* могут быть также расценены как эмоциональные; *непаслухмянае* – как нормативная оценка.

5) **Утилитарные оценки** благоприятствования, пригодности, пользы для определённой цели (*дзяўчына* → *ласкавая, прыветлівая; чалавек* → *дружны, працавіты, замкнуты, складаны, нікчэмны; человек* → *труда, трудный, упрямый; girl* → *friend*). Часть утилитарных оценочных реакций в определённом контексте могут быть отнесены и к другим типам оценки. Оценки *прыветлівая, дбалы* могут быть этическими, *працаўнік, нікчэмны* – мастерства и инструментальными, а *нікчэмны* – телеологическими. Согласно толковому словарю, друг – это человек, связанный дружбой, возлюбленный, сторонник, защитник. Поэтому *friend, друг, сябар* – и утилитарная, и эмоциональная и этическая оценки.

6) **Нормативные оценки**, характеризующие объект как член класса, вида, рода и основанные на функциональном принципе соответствия норме делятся на:

а) **инструментальные оценки**. Для изучаемых стимулов – это реакции, характеризующие вес, фигуру, рост, возраст, силу, черты характера, типичный вид деятельности (*baby* → *play, tiny, buggy; дзяўчына* → *маладая, стройная, дародная, высокая; кабета* → *магутная, моцная; мужчына* → *холостой, самец, стройный*);

б) **оценки мастерства** (*дзяўчына* → *модная, магутная, спрытная; мужчына* → *гаспадар, спрытны* ‘ловкий’; *хлопец* → *спартсмен, самастойны; чалавек* → *вопытны, человек* → *дела, хозяин* и др.). Как видим, оценки данного типа могут относиться не только к специализированным объектам и тогда они не подлежат верификации, т. к. субъективны;

в) **медицинские оценки**, характеризующие физические и психические способности (*чалавек* → *здоровы, п’яны, кульгавы; дзіця* → *рухавае, хворае, плаксівае, капрызнае; child* → *health*). *Капрызнае* может быть еще и этической оценкой, а *стомлены* – утилитарной.

7) **Телеологические оценки**, то есть целевые, определяющие эффективность, целесообразность, удачность (*хлопец* → *надзейны, сапраўдны; мужчына* → *солидный; ребенок* → *долгожданный, дзяўчына* → *прышла*). Сюда отнесём и *чалавек* → *бедны* ‘небогатый’, хотя в значении ‘несчастный’ реакция относится к эмоциональной оценке.

Возникшие затруднения при анализе оценочных реакций и определении их типов оказались связаны с синкретизмом, свойственным целому ряду частных оценок, с различным характером двух стимулов (*girl* ‘девочка, девушка’, *man* ‘человек, мужчина’), с полисемией слов-реакций. Трудности вызвали языковыми особенностями сочетаемости слов в английском и белорусском/русском языках (*дзяўчына* → *каханне, закаханая, кахаць, любіць, люблю; girl* → *love; дзіця* → *крыклівае, плакса, крычаць, крик; baby* → *cry* ‘плач, плакать, крик, кричать’, *crying*). Оценочные единицы в английском языке представлены не так разнообразно морфологически и экспрессивно, как в русском и белорусском.

От всех найденных реакций с оценочным значением частнооценочные составляют 62 %, остальные 38 % – общеоценочные. В обеих группах наблюдаем явное преобладание положительных оценок (85 % и 93 %). Однако соотношение обще- и частнооценочных реакций в трех языках отличается координально. Русские отдают не явное, но предпочтение частным оценкам (51.8% от всех оценок), у белоруссов они в значительном большинстве (78,0 %), а у американ-

цев – в меньшинстве (38.3 %). Значит, в своих оценках американцы склонны обобщать, не уточняя критериев, а белорусы – сосредотачиваются на частных свойствах объектов при их оценке. В языковой картине мира русских и белорусов оценка представлена не только в большей степени, но и разнообразнее, чем у американцев. У последних фонетические, интеллектуальные и телологические оценки вовсе не выявлены среди изучаемых ассоциаций, а нормативные оценки мастерства и медицинские составляют незначительное количество.

Русские и белорусы чаще всего отдают предпочтение в своих ассоциациях частным нормативным оценкам (25.7 % и 39.5 % оценочных реакций соответственно). Хотя на втором месте по популярности у первых – общие цитатные оценки (19.4 %), у вторых – частные эстетические (15.2 %). Среди американцев инструментальные оценки занимают лишь третье место (17.9 %) после общих тематических (29.2 %) и оценок-синонимов (21.6 %). Русским привычнее дать положительную оценку, используя нормативные и цитатные ассоциации, а отрицательную – при помощи психологических реакций, белорусам положительную – посредством нормативных и эстетических реакций, отрицательную – нормативных и психологических. Американцам положительную – посредством эмоционально-оценочных синонимов и нормативных оценок, а отрицательную – при помощи сенсорно-вкусовых.

Как следствие, различается популярность различных типов как общих, так и частных оценок в трех этнокультурах. Самые многочисленные группы из общих оценок у белорусов – хороший/плохой (8.4%) и тематические реакции (4.6%), а малочисленные – цитатные (2.0%) и фонетические (0.2%). У русских в большинстве – цитатные (19.4%), реакции свой/чужой (8.5%) и тематические (7.8%), а в меньшинстве – фонетические (1.8%). В американском ассоциативном словаре в большинстве среди общих реакций-оценок – тематические (29.2%) и оценки-синонимы (21.6%), а в меньшинстве – реакции свой/чужой (3.8%) и хороший/плохой (2.3%).

Самыми многочисленными группами частных оценок у белорусов оказались инструментальные (35.0 %), эстетические (15.2 %), эмоциональные (10.6 %); наименее – интеллектуальные (2.6 %), утилитарные (2.2 %), оценки мастерства (1.1 %) и телологические (0.1 %). У русских среди самых популярных – инструментальные (23.6 %), эмоциональные и интеллектуальные (12.4 %) частнооценочные реакции. А вот сенсорно-вкусовые (1.4 %), медицинские (1.2 %), телологические (1.2 %) и оценки мастерства (0.8 %) здесь в меньшинстве. У американцев популярны инструментальные (17.6 %) и сенсорно-вкусовые (11.1 %) оценки в отличие от утилитарных (1.8 %) и этических (0.4 %).

Таким образом, общая тенденция для представителей всех трех этносов такова, что при оценочном восприятии человека они больше руководствуются рационалистическими критериями оценки объекта, связанными с практической деятельностью: выполнением функции, соответствием стандарту, но не с мастерством и эффективностью объекта. В меньшинстве и автоматические языковые фонетические реакции-оценки. Удовлетворение чувства прекрасного актуальнее, чем духовных нравственных чувств.

Американцы склонны оценивать объекты в общем, ориентируясь на типичные ситуации, с которыми они чаще всего связаны, и стандартные в этих ситуациях собственные чувства. Они опираются на собственный физический опыт для ориентации и достижения сенсорно-вкусового комфорта в природной и социальной среде. Они не концентрируются на таких конкретных свойствах объекта, как интеллект, физическое состояние здоровья.

Белорусы и русские помимо ориентации на нормы в большой степени руководствуются или психическим чувственным опытом, или интеллектуальными критериями оценки объекта, а не физическим опытом. Однако и здесь имеются значимые этноязыковые отличия. В отличие от белорусов с важной для них эстетической составляющей оценки, русские регулярно приводят ассоциации под влиянием языка, цитируя устойчивые выражения, некие типичные для этноязыковой среды прецедентные тексты, названия и т. п. У русских слова-стимулы, обозначающие человека, довольно часто получают оценку в реакциях с семантическим значением «свой/чужой». Американцы и белорусы склонны больше реагировать по модели отождествления с собой, а русские – относя в свой круг знакомых или интересов. Популярность подобных реакций объяснима одной из ключевых идей русской ценностной картины:

«для внутреннего комфорта человеку необходимо большое пространство снаружи, причем это пространство должно быть обжитым «своим» [13, с. 11].

Итак, оценка входит в качестве компонента значения в семантическую структуру любого, даже нейтрального слова. Высокая частотность эмоционально-оценочных реакций в ассоциативных словарях доказывает, что оценочная категория является актуальной для представителей любого этноса, а эмоционально-оценочные единицы ассоциативных полей различных языков на идентичные слова-стимулы наиболее ярко отражают их этноязыковую специфику. Здесь находит подтверждение предположение А.В. Кленовой о том, что «в сознании носителя языка обнаруживается неравномерное распределение внимания, и именно оценка является фактором, обеспечивающим сдвиг фокусировки» [14, с. 43]. В содержательном и количественном наполнении выделенных типов обще- и частнооценочных реакций, наблюдаются как схожие, так и специфические особенности, обусловленные факторами этнической и языковой принадлежности информантов.

Литература

1. Серебренников, Б.А. О материалистическом подходе к явлениям языка / Б.А. Серебренников. – М. : Наука, 1983. – 319 с.
2. Русский ассоциативный словарь : в 2 ч. / Ю.Н. Караулов [и др.] – М. : ООО «Издательство АСТ», 2002. – Т. 1: От стимула к реакции : ок. 7000 стимулов. – 784 с.
3. Цітова, А.І. Асацыятыўны слоўнік беларускай мовы / А.І. Цітова. – Мінск : Выд-ва БДУ, 1981. – 144 с.
4. Jenkins, J.J. The 1952 Minnesota word association norms / J.J. Jenkins // Norms of word association / L. Postman, G. Keppel. – Berkley, California : Academic press New York and London, 1970. – P. 1–38.
5. Арутюнова, Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт / Н.Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1988. – 341 с.
6. Мягкова, Е.Ю. Эмоционально-чувственный компонент значения слова : вопросы теории : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Е.Ю. Мягкова. – М., 2000. – 247 л.
7. Клёнова, А.В. Выражение оценки в ассоциативном словаре школьников / А.В. Клёнова // Язык. Сознание. Культура : сб. ст. / Под ред. Н.В. Уфимцевой, Т.Н. Ушаковой. – М. : ИП Кошелев «Эйдос», 2005. – С. 183–192.
8. Марковина, И.Ю. Культурная константа «свой-чужой» на аксиологической оси модели мира: механизмы защиты / И.Ю. Марковина, Т.А. Васильченко // Язык. Сознание. Культура : сб. ст. / Под ред. Н.В. Уфимцевой, Т.Н. Ушаковой. – М. : ИП Кошелев «Эйдос», 2005. – С. 217–230.
9. Миллер, Дж.А. Образы и модели, уподобления и метафоры / Дж.А. Миллер // Теория метафоры. – М. : Прогресс, 1990. – С. 236–283.
10. Стернин, И.А. Слово и образ : монография / И.А. Стернин, М.Я. Розенфельд ; под ред. И.А. Стернина. – Воронеж : «Истоки», 2008. – 243 с.
11. Залевская, А.А. Введение в психолингвистику : учебник / А.А. Залевская. – М. : Российск. гос. гуманит. ун-т, 1999. – 382 с.
12. Wright, G.H. von. The varieties of goodness / G.H. von Wright. – New York : Humanities Press, 1963. – 222 p.
13. Зализняк, Анна А. Ключевые идеи русской языковой картины мира : сб. ст. / Анна А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев. – М. : Языки славянской культуры, 2005. – 544 с.
14. Кленова, А.В. Оценочные смыслы в ассоциативном словаре (на материале Ассоциативного словаря школьников Саратова и Саратовской области) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / А.В. Кленова. – Саратов, 2007. – 222 л.